

СНЕГ, КРОВЬ И МОНСТРЫ-3

Андрей Делкин

Андрей Деткин

Снег, кровь и монстры - 3

«Автор»

2026

Деткин А.

Снег, кровь и монстры - 3 / А. Деткин — «Автор», 2026

Мир стал другим. В нем все меньше остается от прошлой жизни, все меньше людей и человечности. Казалось бы, неколебимая цивилизация рушится в мгновение ока. Мутанты видоизменяются стремительно, приобретают навыки и «вооружаются» способностями для эффективной охоты. Непонятная сила, управляющая этим процессом, «затачивает» тварей на истребление людей как вида. Две родные души бредут по заповеднику монстров в стремление вернуться домой и воссоединиться с семьей. Судьба не перестает их клевать - посылает все новые тяготы и мучения. Водит по краю пропасти. Будь она проклята! Или поклон ей за науку и закалку?

© Деткин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кровавая помпа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Деткин

Снег, кровь и монстры - 3

Глава 1. Кровавая помпа

Это была не сирена и не гудок, а какой-то вселенский ор. Резкий, протяжный, гнетущий вой, изверженный из ада тысячью глотками. Отравленными иглами он летел со всех сторон и впивался в уши, в мозг. Андрей инстинктивно сжался, испытывая нестерпимую головную боль. Веки задрожали, он силился их открыть. Понял, что невероятно слаб.

Мокрая тряпка с чавканьем шлепнулась на лицо, на его трепещущие веки. Андрей скривился, зажмурился. В нос ударил прелый, мокрый запах. Протяжный вой не прекращался, заставлял в страхе метаться мысли, сталкиваться и перемешиваться.

Слабой, дрожащей рукой Андрей потянулся к лицу. Краем сознания ощутил твердь и прохладу под левым боком. Сжал мокрую тряпку, потянул вниз. Нарастающее беспокойство и страх забирали все больше места в сознание.

- Не надо, - слышался резкий голос, пробившийся сквозь сирену, словно вилы через спрессованный мат соломы.

Андрей не остановился. Оставляя мокрый прохладный след на коже, тряпка сползла с глаз, с носа, и тут же резкий, едкий то ли газ, то ли запах перехватил горло. Вой из преисподней продолжал забиваться под череп и рвать мысли. От него пухла голова, как от водянки. Андрей затаил дыхание, приоткрыл веки. Сквозь вертикальные прутья увидел сумрачное, просторное помещение, с высокой крышей, под которой на длинных держателях крепились тусклые светильники. Они освещали середину строения с бетонным полом, с металлическими нагромождениями вдоль стен. Мрак по углам надежно скрывал свои тайны и не позволял сложить полную картину помещения.

Расколотый, раздробленный воем из преисподней Андре осматрелся. Он находился в камере примерно, три на три метра. Ни Макса, ни кого другого в ней не было, но кто-то был в соседних - справа и слева. Защищало, как от лука глаза, они заслезились, картинка потекла. Андрей зажмурился.

- Накройся тряпкой, - громкий голос справа.

Андрей повернулся, увидел темный смазанный силуэт... Глаза защищало сильнее. Попробовал вдохнуть - спазм снова сжал горло. Он накрыл лицо сырой тряпкой, придавил ее пальцами к губам, втянул прелый, влажный воздух.

Потом он дважды пробовал убирать тряпку, напоминающую ароматом половую, и дважды горько жалел об этом. В последний раз едкая аэрозоль вызвала долгий, бронхитный кашель.

Оглушающая, взламывающая череп сирена все выла и выла. Десять, пятнадцать минут, полчаса, час, — Андрей не мог сказать точно, но, в конце концов, она заткнулась. Некоторое время в ушах еще стоял вой и вибрировали кости черепа. Затем в звенящую тишину вкрались грубые мужские голоса. Лязг металла, холодное эхо просторного помещения, щелчок. Эти звуки сложно ассоциировать с чем-нибудь иным, как удар решетчатой двери камеры в раму — резкий, с короткой вибрацией, со стуком защелки в приемном отверстии. Он въелся в память с «Лампы Аладдина» и останется с ним на всю жизнь.

Андрей с опаской отнял от лица тряпку, сделал вдох, другой. Удушливый запах ощущался, но уже не такой резкий и ядовитый. Внимательнее осматрелся. Искал сына в соседних камерах. Задержался на клетях у противоположной стены. В них содержались взрослые, старые, но не одного ребенка или подростка. Сверху обнаружился второй этаж с ограждением и

площадкой, по которой прохаживались две человеческие фигуры. Стекла очков, бачки противогозов, оружие тускло поблескивали в полумраке.

«Все же они нас заплучили», - Андрей приподнялся на локте, сосредоточил внимание на темном силуэте в соседней камере. Человек с чалмой на голове, с замотанным лицом, одной рукой держался за прут, другой прижимал край ткани к губам и сквозь щель в складках смотрел на него.

- Эй, - заговорил он, едва поймал на себе взгляд Андрея. - Ты как? - голос его звучал придушенно тихо. - Я уже думал ты покойник.

- Пронесло, - просипел Андрей слабо, морщась от мерзкого запаха и першения в горле, - поднялся на четвереньки, пополз к прутьям, разделяющим камеры. Ноги, руки простреливала резкая боль.

- Со мной был мальчик, - заговорил он, усаживаясь у решетки, - ты не знаешь, где он? Четырнадцать лет маль... - Андрей закашлялся, ощущая резь в горле.

- Малолеток и баб держат в другом «хозе», называется «Синий дом», а наш «железный». Что с тобой случилось? Как сюда угораздило? - мужчина осторожно отстранил руку с тряпкой от лица, потянул носом.

- Да, как: ехал с сыном на снежике, - стонал Андрей, преодолевая спазм в горле и стараясь не замечать боль в ногах – они мучали его больше всего, - в узком месте нас остановили, дали по баш... - Андрей хрипло закашлялся, затем заговорил вновь, - по башке и вот я здесь. Это что за место? – спрашивал он шепотом и одновременно осматривал себя. На нем была не его куртка, грязная, с оторванным карманом, больше на размер, пахла чужим телом. Под курткой, вместо теплой байковой рубахи с начесом, черная, с запахом заскорузлого пота футболка. На ногах разбитые ботинки. Лишь брюки и носки остались собственные. Он снял куртку. Руки были исцарапаны и исколоты. Вокруг парных дырочек кожа вздулась и воспалилась. Затем стянул футболку: торс, шея оказались неповрежденными, впрочем, как и голова. «Шлем и броник», - сообразил Андрей. Нисколько не смущаясь посторонних глаз, спустил брюки. Соизмеряясь со своими ощущениями и воспоминаниями, приготовился увидеть истерзанную, с вырванными кусками плоть. Слава богу. Как на руках – множественные проколы с отеками и покраснениями.

- Эко тебя истыкали. Это чем они тебя так?

- Херня, - отмахнулся Андрей, натягивая брюки и застегивая пуговицы на поясе. Хотели знать, куда и откуда еду. С какой целью и все такое. Как тебя звать? – Андрей надел футболку, посмотрел на соседа: простоватый лицом, обросший прямыми соломенного цвета волосами, светлородый, с шишковатым носом, с отмороженными, покрытыми капиллярной сеткой щеками, с карими, не злыми глазами, в грязной куртке, широкоплечий. Почему-то глядя на него, на язык к Андрею сразу прыгнуло словечко «тракторист». Такой собирательный образ земляпаша.

- Стас, но все зовут «Настоящий мужик», а чтобы коротко кличут Рудей.

- Взялся за рудь – скажи что-нибудь, - Андрей улыбнулся ироничным комментарием и удивляясь своему экспромту: «Надо же, юмору. Значит, не так мне хреново, как ощущается». Андрей заопасался, что сосед может обидеться и источник информации, так сейчас ему нужный, схлопнется.

- А тебя как? - поинтересовался сосед.

- Андрей.

- Держи, кхе-кхе бодрей, - скрытая бородой улыбка, зашевелила русые кущи, сузила не злые глаза, сморщила в уголках «гусиные лапки», что немедленно расположило Андрея. Он ухмыльнулся:

- Вот и спелись. Все же, что за Мордор кругом и те орки с пухами? – Андрей подбородком указал на вооруженных охранников, которые не спешили снимать противогазы.

Сосед посерьезнел, голос его загрубел, сделался глухим:

- «Кровавая помпа» этот Мордор называется. Всех, кого видишь в клетках – корм для него, - взглядом Рудя устремился куда-то под крышу. Андрей обернулся, проследил направление его глаз. Под двускатным сводом в загустевшей, крошечной темноте ничего не разглядел.

- Видишь? – прошептал сосед.

- Нет.

- Лучше смотри.

Андрей на четвереньках подполз к решетке, отгораживающей его от центрального, ухватился за железные прутья, поднялся на колени и, напрягая зрение, пристально вгляделся в подкрышный мрак. Не сразу, где-то через минуту, когда глаза привыкли к темноте проступили линии, контуры. Да, там определенно что-то было. И как будто шевелилось. Вернее, неспешно сгибались и разгибались два шарнирных жернова. Чуть ниже угадывались ровные горизонтальные линии еще одного яруса из металлоконструкций. Лестница боком – это ограждения. Светлые пятнышки друг за другом, снизу вверх в линию – цепь, догадался Андрей. Она тянулась наискосок с третьего этажа в темень к шевелящимся палкам.

- Что там? – спросил Андрей, вернувшись к собеседнику и кивая на нечто под крышей.

- Клопоид, - засипел Рудя еще тише. – Чувствуешь вонь? Это его ферменты. Если не закупориться можно травануться нехило так. Его Гном ширяет пикой, когда там, наверху, - сосед закатил глаза к бровям, - какой-нибудь мутант приближается. Наблюдатель дает сигнал Гному, тот тычет. Клоп выделяет от боли или от чего-то там, мерзкий запах как скунс. Это его такой защитный механизм. Но прежде чем пихать, Гном врубает сирену, чтобы вертухаи натянули противогазы, а у кого нет схавались в тряпки. И то, здесь в ангаре только осадочек, основное травилово наверху. Клоп ведь что, он каким-то образом провалился мордой в ангар, а жопа наверху осталась. Когда застрял, сектосы поначалу его пробовали прикончить. А когда тот их газом или чем там окучил, смекнули. Надыбали где-то химзу с презиками, покрепче прикрутили скотинку – чтобы не убёгла, стреножили, оставили только хваталки – твари ведь питаться надо. И вот когда мутантская сволочь типа осьминожки или паука приближается, Гном получает сигнал, ширяет клопа, тот выделяет облако ядовитой гадости. Нежданчик отваливает, а клопоида награждают печеньками, то бишь, нами. Могуч проводит обряд «кровавая помпа». Сектосы молятся на клопчика. Культom он у них стал. Устраивают мессы, крестные или как там у них называется, ходы. Делают жертвоприношения. Скоро придет верховный, прочтет молитву и скормят кого-нибудь из первачей, смертников, так сказать. Они на той стороне, - Рудя кивнул на ряд решеток напротив. – Там больные, старики да калеки. Остальные копают тропки. Завтра утром вертухаи поведут нас на работу сам...

Рудя недоговорил. Из-под крыши грянула органная музыка. Сильная, на высокой ноте, она ударила по ушам, завибрировала за грудиной.

- Сектосы, - проорал Рудя, - делай как я, - накрыл голову курткой и в поклоне уткнулся лбом в пол, высоко задирая зад в грязных синтепоновых штанищах, с белым клоком наполнителя, торчащим из дыры.

Глядя на него и на повсеместное шевеление в камерах, где заключенные замирали в поклоне с накрытыми головами, Андрей положил тряпку себе на затылок и уткнулся лбом в скрещенные кисти. В прелосыроственной темноте он подумал: «Что за хрень здесь творится? Куда люди катятся? Неужели ничего не могут изобрести лучше, чем убивать, ловить, подчинять себе подобных?». Уступая безмерному любопытству, приподнял край тряпки, взглянул через узкую щель на происходящую дикость.

Во главе процессии с длинным крестом, сколоченным из дерева и украшенным письменами, с насаженным на него тремя черепами на оконечности перекладин, шествовал пузатый мужик, покрытый красным бархатным знаменем, вероятно, комсомольским из какого-нибудь музея - с желтыми висюльками по канту и фрагментами лика вождя революции. Голову вер-

ховного жреца скрывал черный капюшон, из-под которого торчал, словно пятак свиного рыла, бочок противогаза. Что-то неразборчивое, глухое он бубнил под резиной, время от времени останавливался, поднимал крест с черепами и громко возвещал:

- Прах к праху! Жизнь за жизнь! – звучало, словно из закупоренной бочки.

Следовавшая за ним разномастная безлико-противогазная группа из двенадцати – пятнадцати фанатиков недружным глухим зарезиновым хором повторяла заклятья. В противогазах различных модификаций они выглядели как инопланетные животные. Кто с хоботом, кто с клоками волос, торчащими из-под лямок плешивой шерстью, кто в гладкой резине, словно безкожий череп с мордой, застрявшей в консервной банке, кто черный с огромными глазищами с металлической обводкой, кто в сталкерском «хомяке»... В общем, кто, на что горазд.

«Наверное, - с содроганием Андрей объяснял себе происходящее, - это всегда было в нас, сидело где-то глубоко погребенное под плитой морали, под культурными стенами и божественной крышей. Теперь другие псалмы читают. Господи, прости нам грехи наши. Спаси и сохрани».

Когда неспешная, шаркающая процессия чинно проходила мимо клетки Андрея, он разглядел, что последние два дюжих мужика в ГП-7 с боковыми банками, обнаженные по пояс, обернутые, как и лидер культа в красные полотнища только без желтых висюлек, в юфтевых сапогах под руки волокли какого-то драного, худющего человечка. Тот был без чувств, о чем свидетельствовала безвольно болтающаяся на тонкой шее косматая голова, а тощие руки, за которые его держали, заведены далеко за спину и согнуты в локтях, словно ощипанные крылья курицы. Сбитые ботинки на веревочных ногах волочились по влажному полу, оставляя за собой две сухие параллельные полосы.

- Прах к праху! Жизнь за жизнь! – вновь возвысился Могуч. Недружное глухое бормотание подхватило эхом. Крест с черепами подпрыгнул вверх, процессия остановилась возле цепи с ремнями. Андрей не заметил, когда ее спустили. Тусклый свет светодиодных ламп проливался на толпу людей, которая неспешно, шаркая, выстраивалась вокруг цепи. Под бубнеж жреца и периодическое вскидывание креста, толпа расступилась. Воцарилась жуткая, гнетущая тишина, которая возникает перед ожиданием страшной трагедией, когда все знают, что произойдет, но никто не смеет этому помешать. В этой предгибельной тишине, разбавляемой невнятной заунывной молитвой, жертву подтащили к цепи. Продолжая с замиранием в сердце наблюдать, Андрей не мог определить, мертв ли бедняга или под транквилизаторами?

Его, безвольного, перетекающего, положили на пол лицом вниз, затем рядом, позвякивая цепью, расстелили ремни. Перекатали мужчину на них. В смиренном молчании палачи умело, без суеты застегнули на нем сбрую. После чего пятясь, отошли и встали в круг к понурым бормочущим фанатикам. Их глухие голоса сливались в мрачный гул, который скорбной тенью тянулся за усиливающимся воем жреца. Вместе с этим откуда-то сверху послышался трещотный перестук, и цепь стала натягиваться. Сначала поднялись над полом безвольные плечи, за ними голова и дальше остальное хлипкое в грязных лохмотьях тело. Постепенно под ровный перебор стопора цепь подтягивала агнца к крыше. Сдавленные резиновыми масками голоса жреца и паствы нарастали. Головы сектантов поднимались вместе с телом, словно их глаза нитями через слепые стекла были соединены с жертвой.

Чтобы увидеть больше, Андрею пришлось выше приподнять край тряпки. Он сразу это заметил. Жернова в сумраке двигались быстрее прежнего. Ему не верилось, что эти тонкие палки с крючками на концах - лапы гигантского насекомого. Отметил, что с приближением бедолаги они заметно ускорились и как будто удлинились.

Когда до тела оставалось метр – полтора, лапы выпрямились, схватили жертву и утанули во мрак. Вой достиг максимального экстазного регистра. Раздался хруст, словно сломали бедренную кость. На задранные резиновые морды, на вздетые руки жреца, на полотнища, на плечи пролилась кровь. А следом Андрей не мог точно сказать, сознание ли озвучило, на самом

ли деле - он различил едва слышное сосущее хлюпанье. Словно в опустевшем стакане кто-то продолжал втягивать через соломинку остатки коктейля.

Они уже визжали и тряслись, переступали с ноги на ногу и козлячили, как одержимые бесами, то опуская, то вскидывая резиновые маски с бочками-опухолями, с гофрированными шлангами-хоботами в тупом исступлении под кровавым дождем. Безумие длилось минут пять, после чего вой и всхлипывания постепенно стихли. Процессия вяло, словно обессилившая, выжатая выстроилась за жрецом в неровную шеренгу, побрела под невнятное бормотание на выход мокрой красной собакой.

При всем при этом Андрей отметил, что два вооруженных охранника в противогазах на верхнем ярусе никуда не делись. Они смотрели на происходящее, не выпуская из рук оружие, контролировали порядок внизу. «В том числе, - подумал Андрей, - все ли клеточники схавались под тряпки мордами в пол».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.